

диционными жанрами народной поэзии и с другими видами народного искусства»¹⁸.

Аналогичные процессы происходят и в сфере исторической песни. Как и былины, исторические песни (если исключить два сборника — Кирши Данилова и Киреевского) известны нам преимущественно по записям второй половины XIX и первых десятилетий XX в.

Изучение причитаний показало, что этот импровизационный жанр более чутко реагировал на исторические изменения крестьянского быта, однако никаких достоверных сведений об угасании жанра причитаний в интересующий нас период нет. Здесь также довольно четко выделяется вторая половина XIX — первые десятилетия XX в. как переходный период, предшествующий коренным преобразованиям, совершившимся в 30-е годы нашего столетия.

Итак, ленинская концепция истории русского крестьянства пореформенного периода подтверждается этнографическими и фольклорными материалами. Необходимо отказаться от прямолинейной и однозначной характеристики этого периода в истории русского фольклора (и, полагаю, с таким же основанием в истории традиционно-бытовой культуры крестьянства) как «периода капитализма». Верное для общен исторической периодизации, это обозначение пореформенного периода не должно механически переноситься на столь традиционную и медленно меняющуюся сферу, как традиционно-бытовая культура, и тем более фольклор.

Дело, разумеется, не просто в способе обозначения периода, его названия. Оно всегда условно. Проблема заключается в понимании характера этого периода, его исторической роли и значения в свете ленинской концепции истории русского крестьянства. Как мы видели, школярская прямолинейность, вульгаризация и непонимание механизма отражения фольклором исторической действительности приводят к необоснованной периодизации, различного рода преувеличениям, произвольным предположениям и неточностям.

---

¹⁸ Путилов Б. Н. Севернорусская былина в ее отношении к древнерусскому эпосу. — В сб.: Фольклор и этнография русского Севера. Л.: Наука, 1973, с. 173.

К. П. Боришполец, Ш. З. Султанов

КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЫ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Современная политическая обстановка в ряде районов земного шара наглядно подтверждает ленинские слова: «Нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса»¹.

В последнее десятилетие особенно резко возросло значение национальных проблем в жизни подавляющего большинства молодых независимых государств. Многие страны столкнулись с теми или иными формами этнических конфликтов. Практически повсеместно происходит процесс политизации межэтнических отношений. Кроме того, весь комплекс проблем, связанных с национальными отношениями, стал в настоящее время предметом острой идеологической борьбы.

В связи с этим значительный интерес представляет вопрос о комплексном анализе этнонациональных проблем в развивающихся стра-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 239.

нах, так как проблемы эти могут выступать в качестве источника острых внутриполитических и международных конфликтов. Ряд шагов в этом направлении был сделан в трудах Ю. В. Бромлея, Р. Н. Исмагиловой, М. С. Лазарева, Б. В. Андрианова и некоторых других советских ученых. Опираясь на марксистско-ленинскую теорию национального вопроса, советские исследователи убедительно показали, что незавершенность процессов становления крупных этнических общностей, конкретные исторические и социально-экономические условия развития многих молодых независимых государств нередко приводят к обострению отношений между различными группами населения. Возникающие при этом политические противоречия затрудняют самостоятельное развитие этих государств и поэтому активно используются силами империализма и неокolonизма для вмешательства во внутренние дела развивающихся стран.

Что касается зарубежных научных публикаций, то в последнее десятилетие здесь также накоплен значительный материал в области прикладных исследований этнополитической проблематики.

Настоящая статья представляет опыт краткого критического анализа некоторых зарубежных прикладных концепций и методов изучения этнополитических противоречий в развивающихся странах². Данное направление сравнительно молодо и разрабатывается главным образом американскими исследователями, отражая общую тенденцию интенсификации изучения этнического фактора в зарубежной социологии, антропологии и политологии 1970—1980-х годов. Необходимо подчеркнуть, что одной из важных черт, присущих работам этой категории, является стремление к комплексному описанию воздействия этнического фактора, в том числе этнополитических взаимосвязей, на социально-политические процессы, прежде всего его роль в сохранении внутриполитической стабильности развивающихся стран. Хотя главный акцент в разработках делается на их чисто теоретические аспекты, тем не менее, по мнению известного политолога проф. К. Бентли, исследование этнической проблематики в последнее время диктовалось отнюдь не абстрактным академическим интересом, а непосредственными политическими потребностями³. Другими словами, и прикладные методики анализа этнического фактора, и конкретные результаты их применения активно используются во внешнеполитической практике современного империализма.

Прикладные методические процедуры стали разрабатываться рядом школ и направлений в буржуазной этнографии, социологии и политологии. Одна из них — теоретическая концепция «меньшинство — большинство», выдвинутая еще в 1940-е годы Луисом Виртом⁴. Две исходные предпосылки этой концепции определили в дальнейшем ее популярность среди западных исследователей. Первая — любое национальное меньшинство подвергается дискриминации того или иного рода из-за объективно существующего неравенства сил между ним и остальной частью общества. Анализ форм неравенства и соотношения сил стал одним из важнейших элементов в последующих после Л. Вирта исследованиях.

Вторая предпосылка заключалась в том, что изучение социально-культурных и социально-психологических особенностей того или иного национального меньшинства корректно только в контексте социально-политических и социально-экономических институтов данного общества.

² Под прикладной концепцией имеется в виду набор не связанных строго друг с другом методических исследовательских процедур, основанный на выделении соответствующих индикаторов, чаще всего качественных, не предусматривающих жесткой и строгой верификации. Таким образом, значительная роль отводится интуитивному знанию исследователя. Под прикладным методом анализа подразумевается определенная более или менее алгоритмизированная система исследовательских процедур, базирующихся на выборе квантифицированных индикаторов. Такой метод можно верифицировать во всяком случае на основе первоначального информационного массива.

³ Bentley C. Ethnicity and Nationality. A Bibliographic Guide, L., 1981, p. XII.

⁴ Wirth L. The Problem of Minority Groups.— In: The Science of Man in the World Crisis/Ed. R. Linton. N. Y., 1945, p. 347—372.

Так, например, Р. Линтон, проанализировав в 1960-е годы основные критерии, сформулированные Л. Виртом для характеристики этнонациональных меньшинств, предложил следующие индикаторы измерения силы той или иной этнической группы: «сила притяжения» — способность данной группы вступать в коалицию с другими группами; «сила квалификации» — способность использовать знания и информацию, накопленную другими группами; «сила вознаграждения» — способность использовать другие этнические группы, их материальные и духовные ресурсы; «сила принуждения» — способность применять насилие по отношению к другой группе; «сила законодательства» — способность легитимизировать свои действия⁵. Однако каким образом эти индикаторы ранжируются, как они взаимосвязаны друг с другом, каковы особенности их подкомпонентов — всех этих вопросов ни Р. Линтон, ни другие западные специалисты не касаются. Широкое научно-практическое применение этих критериев при исследовании этнической проблематики развивающихся стран оказалось в целом малопродуктивным. Прежде всего это было связано с тем, что политическая практика молодых независимых государств доказала невозможность адекватного анализа этнонациональных отношений путем автоматического использования концепций, разработанных применительно к иным социальным условиям.

В конце 1960-х годов при исследованиях этнической проблематики в странах Азии, Африки и Латинской Америки стал использоваться аппарат математической статистики, с помощью которого в рамках сравнительной социологии делались попытки установить соотношение между частотой внутриполитических событий и агрегированными показателями этнических, социальных и экономических явлений⁶.

В этот же период в исследованиях буржуазных этнографов и социологов стали применяться некоторые положения общей теории конфликта, разработанные прежде всего в трудах таких авторов, как Б. Крозье, К. Боулдинг, Р. Дарендорф⁷.

Наконец, в современных прикладных исследованиях в той или иной степени используются понятия и категории, сформировавшиеся в рамках культурно-морфологической и аккультурационистской школ⁸.

Спектр используемых прикладных концепций достаточно разнообразен. Они различаются масштабами применяемых исследовательских процедур, числом и разработанностью индикаторов. Поэтому для отбора наиболее показательных работ был использован дополнительный критерий — характер, особенности объекта (т. е. этнополитического процесса), на которые прежде всего обращает внимание данный конкретный исследователь. С учетом всех этих аспектов были выделены четыре группы работ: 1) содержащие сравнительные прикладные концепции, ориентированные на исследование существующей ситуации этнополитической напряженности в различных странах; 2) работы, в которых сделана попытка создать общую модель этнополитического конфликта; 3) посвященные анализу критической фазы развития этнополитического конфликта — открытым автономистским движениям; 4) наконец, работы конкретно-странового характера.

⁵ См.: *Ethnic Conflicts and Power: A Cross National Perspective*/Comp. D. E. Gelfand, R. D. Lee. N. Y., 1976, p. 9.

⁶ *Values, Identities and National Integration*/Ed. N. John. Paden. Ewanstone, 1980, p. 397.

⁷ *Ethnic Conflicts and Power: A Cross-National Perspective*, p. 7. Один из сторонников применения общесоциологической теории конфликтов при исследовании этнических отношений, Д. Гилфанд, считает, что задача данной теории «выявить относительное положение этнических групп в различных обществах, а также факторы, определяющие статусную роль этих групп, средства контроля для поддержания границ между этническими группами и их связи с более широкими общностями. Такая теория должна быть ориентирована на анализ стратегии изменений, используемой различными этническими группами, и исследования их влияния на эволюцию внутренних структур общества, а также самих этнических групп» (*Ibid.*, p. 12).

⁸ Бадалян И. А. Некоторые методологические аспекты этнической проблематики в работах современных социологов и этнографов Запада. — Сов. этнография, 1976, № 1, с. 155—164.

В своем исследовании К. Хьюитт⁹ исходит из того, что в многонациональных обществах со значительными различиями между отдельными этническими общностями объективное неравенство в их положении неизбежно ведет к межэтнической напряженности, которая может проявляться в определенном уровне насилия. Соответственно формулируется и основная задача исследования — выявить зависимость между тем или иным уровнем насилия и специфическими характеристиками внутреннего развития данной страны, т. е. определить корреляционные связи между интенсивностью этнического конфликта и внутрисполитическими процессами.

Объектом анализа послужили 19 многонациональных государств, достаточно разнородных по уровню их социально-политического развития. Схема К. Хьюитта основана на логическом анализе таблиц с характеристиками различных аспектов внутрисполитической ситуации в рассматриваемых странах. Выбранные эмпирическим путем индикаторы, их взаимосвязи не обосновывались и специально не рассматривались. Информационной базой послужили материалы официальной статистики и данные международных организаций.

В первой таблице обобщена информация по следующим показателям для каждой из 19 стран: среднегодовая смертность, максимальная смертность в течение года, формы проявления внутренней нестабильности¹⁰.

Во второй таблице сведены основные характеристики социально-экономического и социально-политического развития: экономическая ситуация (доход, занятость); политическая ситуация (уровень участия группы меньшинства в законодательном процессе, административном управлении на региональном уровне, представительство в органах исполнительной власти; статус национальных меньшинств, установленный конституцией; демографическая ситуация (рост или сокращение этнических меньшинств).

В результате сопоставительного анализа таблиц К. Хьюитт выделяет четыре группы стран:

1. *С высоким уровнем насилия.* Для этих государств характерны следующие показатели: заметные экономические различия между меньшинством и большинством; меньшинство политически угнетено; как правило, демографическая ситуация в этих странах нестабильна (численность меньшинства возрастает быстрее, чем группы большинства); общества этих стран разделены на отдельные коммуны.

2. *С низким уровнем насилия.* В этих государствах не существует серьезных экономических и политических диспропорций; для них характерно конституционно закрепленное самоуправление этнических меньшинств; наблюдается определенная тенденция к сокращению численности национальных меньшинств за счет ассимиляции.

3. *Со средним уровнем насилия.* Автор фактически не смог сформулировать для них достаточно однозначных характеристик внутреннего развития.

4. *С ложным уровнем насилия.* В странах этого типа отсутствует ярко выраженное неравенство между различными этнонациональными группами, но отмечен высокий уровень насилия.

Два последних достаточно неопределенных по смыслу пункта приведенной классификации показательны для оценки результативности данного метода. Как будет видно далее, отсутствие логической строгости при конструировании прикладной концепции, отказ от обоснования принципов выбора тех или иных индикаторов, отсутствие критериев для

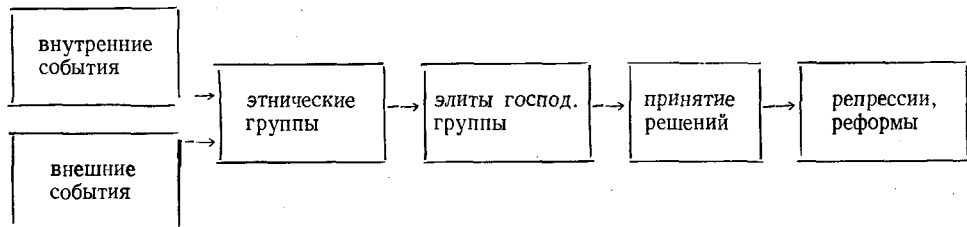
⁹ Hewitt C. Majorities and Minorities: A Comparative Survey of Ethnic Violence.— In: Ethnic Conflict in the World Today/Ed. M. Heisley. Philadelphia, 1977, p. 150—157.

¹⁰ Для характеристики внутренней нестабильности используется следующий набор определителей: «восстание или революция», «гражданская война», «терроризм и бунты», «повторные восстания», «покровительствуемые восстания», «один большой бунт», «хронические восстания в сочетании с терроризмом», «быстропроходящие восстания», «частые бунты», «постоянный терроризм».

однозначной интерпретации результатов — характерная черта не только концепции К. Хьюитта.

В исследовании М. Гейли ставится задача создания наиболее общей модели развития конфликтной ситуации в развивающихся странах на базе существующих этнонациональных противоречий¹¹.

Субъектами конфликтного взаимодействия выступают два типа участников: этнические группы страны и элиты¹² (правительственная, военная, коммерческая и культурная) господствующей этнической группы (модель их взаимодействия представлена ниже).

Модель взаимодействия этнических групп и элит господствующей группы

Взаимодействие между элитами и этническими группами по М. Гейли может приобретать конфликтную форму из-за этнических различий между отдельными группами; неодинакового восприятия политических событий; слабости структур власти; особого юридического статуса той или иной группы; репрессий правительства; структуры образования, предоставляющей привилегии определенным группам¹³.

Требования к господствующей элите со стороны этнических групп распределяются по трем основным типам: восстановление или сохранение культурной автономии; экономические требования; участие в процессе принятия решений и контроле на правительственном уровне.

Решения, принимаемые правящей элитой, рассматриваются в качестве главных результатов воздействия этнонационального конфликта на развитие страны в целом. При этом на практике репрессии и реформы сочетаются друг с другом. М. Гейли приходит к выводу, что в целом этнический конфликт играет конструктивную роль в национальном развитии молодых независимых государств, так как помогает преодолевать диспропорции политической системы и устанавливать «правила игры» между различными этническими группами населения¹⁴.

Прикладная концепция М. Гейли достаточно интересна, поскольку она включает набор методических процедур (рассмотрение внутренних и внешних событий: анализ этнических групп; выделение специфических требований и т. д.), а также набор индикаторов (например, психологи-

¹¹ Galey M. Effects of Ethnic Conflict on National Development.— In: Ethnicity and National Building: Comparative International and Historical Perspectives/Ed. W. Bell and W. Freeman, 1974, L., p. 269—279.

¹² М. Гейли создает своего рода «психологический портрет» этнической группы, который используется для конкретизации причин этнонациональных конфликтов в той или иной стране. С этой целью выделены следующие наиболее характерные показатели: уровень самоидентификации; наличие отрицательного стереотипа по отношению к другим этническим группам страны; осознание необходимости бороться за контроль или влияние в стране; существование практики «уничтожающих ритуальных актов в отношении представителей других этнических групп»; культурный уровень и религиозные представления.

¹³ Galey M. Op. cit., p. 274.

¹⁴ Тезис о «конструктивном характере» этнического конфликта для освободившихся стран достаточно распространен в буржуазной политологии. Но есть и другие точки зрения. В частности, известный политолог и специалист по этническим проблемам С. Энлоу подчеркивает, что этнический конфликт потенциально увеличивает зависимость той или иной страны от внешних сил, дает возможность другим государствам прямо вмешиваться во внутривнутриполитический процесс, подрывает внутривнутриполитическую и региональную экономическую интеграцию, отвлекает квалифицированные кадры, способствует сохранению отношений недоверия между разными группами и т. д. См.: Ethnicity and Nation Building, p. 226—228.

ческих) для характеристики этнических групп). Однако сами процедуры жестко не связаны друг с другом и могут варьировать, а набор индикаторов отнюдь не претендует на окончательную полноту и достаточность. Поэтому данная схема, естественно, не может быть сколько-нибудь строго верифицирована и тем более претендовать на универсальность. Но при разработке даже таких общих прикладных концепций следует учитывать хотя и тривиальное, но тем не менее важное требование: не упускать рассматриваемую ситуацию. В данном случае М. Гейли не учитывает общие социально-экономические условия развития этнического конфликта: процесс и особенности формирования системы социально-экономических противоречий, специфику борьбы классов в том или ином обществе и т. д. Исследуя негосподствующие этнические группы он не касается, например, такой проблемы, как развитие их элит.

На определенной стадии этнический конфликт может перерасти в борьбу за автономию одного или нескольких этнонациональных меньшинств. Так, например, интересная, на наш взгляд, попытка сформулировать прикладную концепцию анализа автономистских движений была предпринята Р. Холлом¹⁵.

Такого рода движения классифицируются в соответствии с теми стратегическими задачами, которые выдвигаются их лидерами: это национализм (предоставление больших прав этнонациональной группе), выделение (предоставление автономии в рамках централизованного государства), ирредентизм (воссоединение с представителями данной этнической группы, проживающими в пределах другого государства), сепаратизм (создание самостоятельного государственного образования)¹⁶.

Прикладная концепция состоит из нескольких блоков:

1. *Анализ этнополитической ситуации в стране.* Используются следующие индикаторы: «культура» — отношения, установки, нормы, понятия, стиль жизни, выражаемые в понятиях, материальных объектах и действиях; «экономика» — систематическая организация производства, управление и распределение материальных и статусных благ; «этничность» — характеристики групп, отличающие их от остальной массы населения; «география» — территория и рубежи, ограничивающие политическое единство в пространственном отношении; «история» — развитие отношений между этническими группами (исторические различия между ними и специфика их взаимоотношений); «язык» — устная и письменная связь, посредством которой систематизируются ценности и нормы, понятия и знания в рамках данной группы; «механизм господства» — фактическое господство, техника или способы приобретения и поддержания господства одной группы над другой; «религия» — сознание, основанное на групповых верованиях.

Понятно желание исследователей по возможности исчерпывающе охватить объект этим широким набором индикаторов. Однако при конструировании общих прикладных концепций возникают существенные противоречия, которые достаточно сложно преодолеть. Предполагается, что все вышеуказанные индикаторы должны рассматриваться отдельно для конкретной этнической группы и той массы населения, на которую в данный момент опирается существующий режим. Сопоставление результатов, полученных на основе этих показателей, должно дать представление о конкретной ситуации в той или иной стране, где существует движение за автономию. Авторы не конкретизируют составные части используемых ими индикаторов и их взаимосвязи, подчеркивая при этом, что такие взаимосвязи всегда специфичны не только для отдельной страны, но и для каждой исторической ситуации. И проблема как раз в том и заключается: если выявляемые взаимосвязи качествен-

¹⁵ Ethnic Autonomy — Comparative Dynamics: the Americas, Europe and Developing World/Ed. R. L. Hall. N. Y., 1979, p. XXXII, 458.

¹⁶ Ibid., p. XXI—XXIII.

но уникальны, то каким образом можно адекватно сопоставлять те или иные ситуации и делать правильные выводы, если не полагаться в конечном счете на интуицию специалиста по данной стране. Но при наличии нескольких экспертов (в силу их различного опыта, специализации и многих других факторов) закономерно возникает также проблема сопоставления и сравнения их оценок.

2. *Анализ силы этнической группы, выступающей за автономию.* Понятие силы выделяется как решающее для выявления перспектив автономистского движения. При этом каждая из перечисленных выше переменных может стать основой силы той или иной группы. Сила понимается как влияние, позволяющее субъекту этнополитического взаимодействия добиваться определенных результатов.

3. *Анализ причин возникновения автономистских движений.* Автор толкует эту проблему весьма расширительно, отмечая, что конкретные причины возникновения автономистских движений могут быть самыми разнообразными, и что в большинстве случаев «этнические группы объединяются для борьбы за автономию в силу разнообразных идеальных и материальных интересов, которые воспринимаются как справедливые»¹⁷. Начало движения обычно предшествует усилению внутригрупповых коммуникаций в рамках этнической группы, а также формулирование и выдвижение в том или ином виде концепции специфических интересов группы.

Однако данный тезис достаточно абстрактен. Конечно, теоретически можно предположить, что усиление коммуникаций внутри группы является симптомом возможности возникновения автономистского движения. Однако не всегда указанные выше показатели говорят об автономистских настроениях. Трудно отделаться от впечатления, что единственным способом практической фиксации критических пороговых значений усиления внутригрупповых коммуникаций является метод «включенного наблюдения».

4. *Анализ начальной стадии открытого конфликта.* Начало борьбы за изменение статуса этнической группы возможно, если она обладает следующим комплексом черт: общность генотипа, языка и проживание в одной области; чувство солидарности; контакты с другими группами общества.

В западной политологии разрабатываются и прикладные концепции конкретно-странового характера, что можно проиллюстрировать на примере работы М. Шазан об этнополитической ситуации в Гане¹⁸. В данном случае исходными являются две гипотезы: этнический фактор (рассматриваемый как интегративный компонент политического процесса) играет основную роль во внутриполитическом развитии Ганы; характер политического процесса в целом, и прежде всего такой элемент, как режим власти, определяет остроту проявления этнического фактора. Методика проверки этих гипотез основана на последовательном, поэтапном построении ряда простых вербально-логических моделей. Автор особо подчеркивает, что информационной базой исследования послужили ганские статистические материалы, ганская пресса и т. д.

Первый шаг — создание модели этнонациональной ситуации в Гане, включающей показатель численности этнических групп (эти группы затем объединяются в т. н. ведущие и маргинальные и такой агрегированный показатель, как социально-экономические различия между этническими группами к моменту завоевания независимости¹⁹).

Сопоставление этих характеристик позволило сделать вывод, что между этническими группами в Гане к моменту получения независимости отсутствовали резкие противоречия, а следовательно, и объективные предпосылки конфликтной конфронтации.

¹⁷ Ethnic Autonomy..., p. 9.

¹⁸ Chazan M. Ethnicity and Politics in Ghana.— In: Political Science Quarterly, 1982, vol. 97, № 3, p. 461.

¹⁹ Речь идет о преобладающем типе хозяйства, степени и формах приверженности к традиционным ценностям, уровне урбанизации.

Второй шаг — конструирование модели этнонациональной политики правительства за период после получения независимости²⁰. Исследование этой модели в динамике привело автора к заключению, что после получения независимости власть в стране постепенно переходила от крупных племенных образований к маргинальным этническим группам.

Третий шаг — анализ социально-политического воздействия ганского законодательства на состояние этнических конфликтов в стране. При этом рассматривается сфера действия важнейших юридических актов и то, какая социальная группа подпадает под действие того или иного закона и каков характер изменения ее положения. Поскольку, по мнению исследовательницы, большинство принятых законов касалось главным образом реформы государственного аппарата, то они затрагивали в основном интересы городской элиты и вели к ухудшению ее материального положения. В этих условиях раскол элиты по этническому признаку постоянно углублялся и интенсифицировался поиск соответствующих союзников.

Таким образом, М. Шазан сводит внутренний конфликт в Гане почти исключительно к нестабильности правящей элиты. При этом не давление этнических групп становилось причиной нарушения стабильности того или иного режима, а обострение противоречий внутри правящих элит приводило к созданию новых этнических коалиций и изменению состава этнического блока, на который опирается правительство. Конечным результатом каждой фазы этнического конфликта, согласно М. Шазан, становится изменение системы участия этнических групп в политическом процессе.

К числу важнейших, но не решенных в работе М. Шазан проблем, она сама относит точное определение понятия «власть» применительно к специфическим условиям конкретной страны, а также анализ социального расслоения ганского крестьянства. Обе эти проблемы являются ключевыми для исследования внутривластного развития Ганы.

Все рассмотренные выше прикладные концепции разработаны под сильным влиянием «общей теории конфликтов». Прежде всего речь идет об утверждении фатальной неизбежности конфликтов в многонациональных обществах и существовании неких всеобщих правил развития кризисных фаз. При этом этнические группы, участвующие в конфликте, рассматриваются как один из специфических типов групп, объединенных общими интересами и постоянно ведущих борьбу между собой за экономическую, политическую и социальную власть, за поддержание или изменение сложившегося в обществе этнического статус-кво. Структура интересов этнических групп, анализируемых в указанном ракурсе, зависит от таких базовых характеристик, как культура, язык, религия, поскольку на основе этих характеристик происходит этническая самоидентификация членов общества. Однако, исследуя эти концепции, необходимо обратить внимание и на другой аспект.

Известно, что в настоящее время одна из важных задач гуманитарных наук — выработка наиболее точных средств исследования усложняющихся социально-политических проблем. Речь не идет в данном случае об алгоритмизированных, жестко формализованных методиках прикладного анализа — это принципиально невозможно, если учитывать сложностохастический характер социально-политической сферы. Основная методологическая задача заключается как раз в том, чтобы такие прикладные средства, с одной стороны, были в принципе верифицируемы (одно из ключевых требований научного знания), и в то же время — были достаточно чувствительны по отношению к сложным динамическим социально-политическим процессам.

Последнее представляется особенно важным. Поскольку социально-политические феномены имеют тенденцию к усложнению, конструируе-

²⁰ Использовались следующие показатели: этническая принадлежность лидеров режима; отношение режима к партиям, основанным по этническому признаку; административно-территориальные изменения в стране; отношение к традиционным вождям; отношение к этнической самоидентификации различных групп населения.

мые прикладные концепции должны не только учитывать это обстоятельство само по себе, но и в рамках своих логических конструкций иметь потенциал для постоянного совершенствования. К. Маркс в свое время писал: «Разве характер самого предмета не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного, влияния на исследование? ...истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом?»²¹ (во втором случае курсив наш.— Авт.).

Авторы рассмотренных прикладных концепций пытаются, с одной стороны, рационалистически конструировать свои схемы, но с другой — невольно предполагают использование интуитивного знания, опыта самого исследователя. Однако было бы преувеличением считать, что на сегодняшний день попытки найти оптимальное соотношение между принципом верификации и требованием учета уникальности ситуации достаточно успешно решаются.

Верифицировать в строгом смысле этого слова данные прикладные концепции все же невозможно. Во всех рассмотренных случаях отсутствует обоснование принципов выбора системы индикаторов. Конечно, индикаторы могут выбираться и эмпирическим путем, но в этом случае необходима логика их ранжировки и выделение по крайней мере ключевого показателя. Верификации препятствует и неточность определения используемых индикаторов, а также отсутствие обоснования критериев выделения тех или иных подкомпонентов агрегированных показателей, неопределенность интерпретации качественных и количественных характеристик индикаторов.

При проведении практического исследования многие из этих претензий могут быть сняты путем простой апелляции к особенностям традиционного логико-интуитивного анализа. Однако при этом необходимо осознавать и серьезные недостатки такого анализа (субъективность, конформизм, узость специализации экспертов), которые могут проявляться и в рамках прикладных концепций, отражаясь на конечных результатах.

При разработке прикладных методов анализа западные исследователи наиболее интенсивно используют аппарат математической статистики. В этой связи примечателен специальный проект, посвященный изучению процессов национальной интеграции, осуществленный в конце 70-ых годов исследовательской группой Северо-Западного университета США. Его материалы дают определенное представление об общем уровне аналогичных разработок²².

Ключевая проблема, стоявшая перед участниками проекта, заключалась в выработке корректных методических средств для исследования феномена т. н. «национальной интеграции» в афро-азиатских странах. Так, например, для исследования проблемы национальной интеграции в шести западно-африканских государствах (Сенегал, Мавритания, Мали, Верхняя Вольта, Нигер и Чад) Р. Хей прибегает к сравнительному анализу культурных и социальных переменных, характеризующих этнонациональные группы данного региона и выделению при помощи факторного анализа эмпирических границ складывающихся здесь культурно-лингвистических общностей²³.

Наибольший интерес в рамках описываемой методики представляет сопоставление этнических групп на основании т. н. «культурных переменных»²⁴, которые оцениваются при помощи отдельных шкал, состоя-

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 7—8.

²² Values, Identities and National Integration, p. 397.

²³ Hay R. A Cultural Cluster Analysis of six West African State.— In: Values, Identities and National Integration, p. 25—40.

²⁴ Образ жизни: степень зависимости от сельского хозяйства, основная сельскохозяйственная культура, степень зависимости от скотоводства, степень зависимости от рыболовства, степень зависимости от охоты.

щих из двух — трех градаций, заданных экспертно и обеспеченных соответствующим банком информации.

В дальнейшем на основе метода кросстабуляции определяется взаимозависимость культурных типов этнических групп, традиционного характера власти и т. н. «ключевых переменных»²⁵.

Завершающим этапом исследования является использование факторного анализа, с помощью которого устанавливаются культурные кластеры в рамках региона, не всегда совпадающие с существующим политико-административным делением, что в принципе может служить индикатором возможных очагов внутривнутриполитической и межгосударственной напряженности.

Примером формализованного прикладного метода анализа этнонациональной структуры и этнонационального конфликта в африканских странах служит работа Д. Моррисона и Х. Стивенсона²⁶. Объектом исследования стали 13 африканских стран, расположенных к югу от Сахары, а целью — выявление корреляции между такими понятиями, как «культурный плюрализм», «модернизация» и «внутриполитический конфликт».

На первом этапе выявлялась корреляция между внутривнутриполитическим конфликтом — наиболее острой формой политической нестабильности — «культурным плюрализмом» и «модернизацией»²⁷. Одновременно авторы выделяют три основных блока культурных переменных: *А* — «общинная организация и структура власти», *Б* — «правила, устанавливающие этническое происхождение и вступление в брак»; *В* — «традиционная экономическая организация общины». Для оценки этих переменных используется ряд шкал, ориентированных на измерение культурного плюрализма, где основными градациями служат вариации экологической адаптации, вариации характера власти и стратификации, вариации социальной организации.

На базе этих культурных переменных этнические группы объединяются в более крупные общности, число которых определялось по формуле:

$$V = \sum \frac{(x_i - \bar{x})^2}{N},$$

где *V* — число крупных этнических образований; *N* — число этнических групп в стране; *x_i* — ранг каждой этнической группы по шкале культурных переменных; $\bar{x}$ — общий средний ранг всех этнических групп по шкале культурных переменных.

На последующих этапах работы устанавливается корреляция между индикаторами «культурный плюрализм» и «политическая нестабильность», корреляция между «модернизацией» и «политической нестабильностью», а также исследуется влияние «модернизации» на соотношение между «культурным плюрализмом» и «политической нестабильностью».

Количественные данные модели Д. Моррисона и Х. Стивенсона подтверждают, что «культурный плюрализм» усиливает предрасположен-

²⁵ Таких, как зависимость от сельского хозяйства, зависимость от скотоводства, традиционная социальная организация. Связь между этими переменными, характером традиционной власти и культурными типами этнических групп определяется на основании шкалы, состоящей из пяти градаций: «позитивная связь», «негативная связь», «определенный эффект взаимодействия», «сомнительное взаимодействие», «связь не прослеживается».

²⁶ Morrison D., Stevenson H. Cultural Pluralism, Modernization and Conflict.— In: Values, Identities and National Integration, p. 11—23.

²⁷ «Культурный плюрализм» — уровень различий в распределении культурных особенностей среди этнических групп в рамках одного общества. «Политическая нестабильность» — такое состояние в национальной политической системе, при котором механизм власти разрушается и заменяется насилием, направленным против отдельных личностей, политики или суверенитета политической власти. Авторы различают три типа политической нестабильности: «нестабильность элиты», «нестабильность общины» и т. н. «массовую нестабильность».

ность к конфликтам между членами различных коммунальных общин в государствах Тропической Африки и увеличивает вероятность т. н. «нестабильности элиты» в этих странах. «Культурный плюрализм» свидетельствует и о том, что «модернизация», как правило, уменьшает склонность к политической нестабильности в африканских странах, а его «разрушительный потенциал» подавляется модернизацией.

Описанная выше методика представляет определенный интерес, так как в исследование вовлекается широкий круг переменных, обработанных в рамках модели. Важна и последовательность их включения в модель. Вместе с тем ввиду того, что главным информационным обеспечением служит банк данных специального проекта, в работе отсутствует обоснование использованных индикаторов и настоящий прикладной метод трудно верифицируем для внешних исследователей.

В своей работе Д. Гроув²⁸ делает попытку разработать прикладной квантифицированный метод анализа изменения уровней социально-экономического развития отдельных этнических групп в многонациональных государствах. Его метод состоит из нескольких последовательных стадий обработки материалов национальной статистики и данных международных организаций, относящихся к трем группам стран: развитые капиталистические, среднего уровня развития капитализма и развивающиеся. По сути дела речь идет о сопоставлении трех региональных выборок, где главным критерием отбора единиц наблюдения служит доход на душу населения, в частности такие пороговые показатели, как 1310 и 490 долларов годового дохода на душу населения.

На первой стадии этнические группы сопоставляются по социально-экономическим показателям (доля этнических групп в населении страны; представленность этнических групп в правительстве; совокупный показатель распределения социально-экономических ресурсов между группами, состоящий из таких параметров, как распределение доходов, охват высшим образованием, процент представителей группы, получивших специальное профессиональное образование, распределение доходов внутри группы). На второй стадии полученные данные квантифицируются. Для более адекватного сопоставления межгруппового распределения основных социально-экономических индексов используется математическая процедура, устанавливающая коэффициент вариации, понимаемый автором как нормированное стандартное отклонение от среднего уровня. На третьей стадии рассматривается динамика изменения разрыва в уровнях социально-экономического развития этнонациональных групп в каждой отдельной стране.

Этот метод основан на достаточно простых математических процедурах, доступной информации, а используемые коэффициенты поддаются содержательной интерпретации. Важной представляется и попытка авторов сочетать аппарат математической статистики с анализом событий. Однако в данной работе отсутствует строгая «привязка» применяемых численных показателей к качественным критериям. Поэтому на основе рассматриваемого метода невозможно подойти к комплексному решению проблемы взаимодействия этнонациональных и социальных феноменов в рамках той или иной политической ситуации.

Как видим, прикладные методы анализа предполагают использование средств математической статистики в сфере социологии и этнографии. Однако в отличие от традиционных областей применения математической статистики (естественные науки, экономика) в социологии и этнографии делается упор на использование аппарата математической статистики не для обобщения простого множества статистических данных, а для введения шкалированных измерений и экспертных оценок.

---

²⁸ Grove D. A Partial Test of Ethnic Equalization Hypotheses: A Cross-National Study.— In: Global Inequality: Political and Socioeconomic Perspectives. L., 1979, p. 228—241.

В наиболее широком методологическом плане эффективность такого рода прикладных методов зависит, во-первых, от корректности основных теоретических положений, лежащих (явно или неявно) в основе данного метода, а во-вторых, от того, в какой мере используемые индикаторы отражают содержание основной теоретической схемы. С этой точки зрения указанные методы достаточно уязвимы.

Прежде всего серьезным недостатком всех этих методов является фактическое игнорирование специфики содержания исторических процессов, происходящих в освободившихся странах, что объясняется главным образом «глобалистской» ориентацией западной сравнительной социологии, стремящейся рассматривать этнополитические процессы во всех странах в рамках единой унифицированной схемы. Поэтому, с одной стороны, выделяются лишь отдельные факторы, потенциально вызывающие нестабильность (культурный плюрализм, модернизация), а с другой — это ведет к игнорированию специфических проявлений указанных факторов.

Еще одна проблема заключается в том, что значительная часть этнополитических процессов вообще не может быть проанализирована на основе статистической информации. Речь в частности идет об особенностях организации общины и семьи у различных племен, специфике адаптации различных племен к экономическим условиям и т. д. Можно привести достаточно длинный список подобных значимых явлений, не поддающихся характеристике посредством анализа статистических данных. Необходимость оценки этих сложных феноменов ставит вопрос о соответствующих процедурах их измерения. И проблема эта решается путем использования различных шкал. Однако в этом случае корректное проведение корреляционного анализа по данным шкалирования достаточно сомнительно, поскольку в этих используемых шкалах теоретически не обоснована равнозначность интервалов (шаг между 1 и 2 баллами не равен шагу между 2 и 3 баллами и т. д.). Поэтому возможность верификации практически всех рассмотренных прикладных методов анализа, в том числе и с достаточно усложненным аппаратом математической статистики, также незначительна. В целом же можно согласиться с У. Ашером, который, касаясь сложных формализованных методов при исследовании политических процессов, писал: «...предполагаемые преимущества усложненных (формализованных. — Авт.) методик просто не материализовались». И далее он подчеркивает, что гипотезы, отражающие «фундаментальные представления автора об условиях, в которых развивается определенная тенденция, являются главным фактором, определяющим точность прогноза»²⁹.

Таким образом, рассмотрев ряд работ западных авторов, которые представляют типичные примеры современных прикладных исследований в области этнополитических отношений в развивающихся странах, можно заключить, что в данной сфере буржуазным политологам не удалось решить проблему разработки эффективной комплексной методики прикладного анализа. Отсутствие в их научном арсенале фундаментальных теоретических представлений не только дает богатую почву для критики той или иной концепции, но и существенно влияет на репрезентативность конкретных результатов, полученных на данной основе. Для характеристики положения, сложившегося в этой связи в зарубежной научной литературе 1970-х — начала 1980-х годов полностью справедливы ленинские слова о том, что «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натекать“ на эти общие вопросы»³⁰.

²⁹ Ascher W. Forecasting. An Appraisal for Policy and Planners. Baltimore, 1979, p. 199.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.